

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**ЗАГАДКА
ЖИЗНИ
И СМЕРТИ**

**Борис
Соколов**

**ГРИГОРИЙ
КОТОВСКИЙ**

Советский век

Борис Соколов

**Григорий Котовский.
Загадка жизни и смерти**

«Алисторус»

2023

УДК 82-94
ББК 85.374

Соколов Б. В.

Григорий Котовский. Загадка жизни и смерти / Б. В. Соколов —
«Алисторус», 2023 — (Советский век)

ISBN 978-5-00222-099-1

Григорий Иванович Котовский был легендой, как при царской, так и при советской власти. В Российской империи – один из признанных лидеров преступного мира, которого в Бессарабии называли «местным Робин Гудом» и «атаманом Ада». После 1917 года – легендарный командир Красной Армии и народный герой Гражданской войны, член Реввоенсовета СССР, а так же один из руководителей Украинского, Молдавского и Союзного Центрального Исполнительного Комитета. Историк Борис Соколов показывает, что из многочисленных мифов, которыми обросло имя Григория Котовского, соответствует действительности, а что имеет с ними мало общего. Автор подробно рассказывает о таких известных эпизодах биографии главного героя данной книги как участие в занятии Одессы зимой 1920 года и о борьбе с Антоновским восстанием в Тамбовской губернии летом 1921 года. Объясняются причины его популярности, сделана попытка раскрыть мотивы его загадочного убийства. Прослеживается также отражение образа Котовского в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» и в кинематографе. Биография Котовского дана на фоне истории России первой четверти XX века, в том числе и т. н. «Бессарабского вопроса».

УДК 82-94
ББК 85.374

ISBN 978-5-00222-099-1

© Соколов Б. В., 2023

© Алисторус, 2023

Содержание

Детство и юность атамана	7
Молодой разбойник	18
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Борис Соколов

Григорий Котовский

© Соколов Б. В., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

Детство и юность атамана

Имя Григория Котовского было широко известно в советское время. Не забыт он и сейчас. Но если раньше он был представлен публике как герой гражданской войны, сознательный большевик и беззаветный борец за народное счастье, то после падения коммунистического режима стали делать больший упор на его уголовное прошлое и карательные операции против разного рода повстанцам после революции. Что здесь – правда, а что – пропагандистский вымысел? И кем же все-таки был Григорий Котовский – лихим разбойником, предложившим свои услуги победившей революции, или стихийным революционером, в революции нашедшем наилучшее применение своих природных способностей?

Несомненно, Котовский в молодые годы был одним из вожakov уголовного мира на Юге России. Его имя навело ужас на Бессарабию и западные уезды Херсонской губернии, включая крупнейший порт империи Одессу. Таких, как Котовский, тогда называли по-разному – бандитами, гайдуками, разбойниками, налетчиками, народными мстителями. Сам Григорий Иванович впоследствии предпочитал последнее наименование или, в крайнем случае, предпочитал, чтобы его называли «последним гайдуком». Но, если отбросить романтический флер, то, с уголовной точки зрения, Котовский весьма удачно совмещал две криминальные профессии – разбойника, грабившего своих жертв на дорогах и в сельских усадьбах, и налетчика, грабившего горожан главным образом в их квартирах и офисах и только в исключительных случаях – прямо на улице. Разумеется, все налеты и грабежи обильно прикрывались декларациями о стремлении справедливо перераспределить общественный продукт, отняв несправедливо нажитое у богатых и передать бедным. Естественно, что во все времена разбойники грабили почти исключительно богатых, поскольку у бедных обычно нечего было взять. Только вот беднякам не слишком много перепадало от Котовского и его друзей. Во все времена разбойники и налетчики заботились прежде всего о себе любимых, хотя порой и передавали некоторые излишки награбленного беднякам, прежде всего, для создания о себе доброй славы у народа.

Однако стоит вспомнить, что в начале XX века в той же Бессарабии была добрая дюжина разбойничьих атаманов, наводивших ужас на помещиков и полицию, но если мы сегодня и вспоминаем вдруг их имена, то только в связи с биографией Котовского. Значит, было что-то в этом последнем гайдуке, что выделило его из числа других бессарабских разбойников. Это что-то – успешная служба Котовского в Красной Армии, сначала командиром бригады, а потом – командиром кавкорпуса. Эта важнейшая деталь его биографии, а также ранняя смерть, причем не в результате политических репрессий, сделали из Котовского культового советского героя. Но надо заметить, что Григорий Котовский отнюдь не был единственным представителем уголовного мира, оказавшимся в рядах Красной Армии. Достаточно вспомнить, что друг Котовского и «король» криминальной Одессы Мишка Япончик тоже короткое время был командиром полка в Красной Армии, но это закончилось для него трагически. Раз Котовский здесь преуспел куда больше Япончика, значит, в его характере были такие качества, которые помогли ему превратить разбойничью шайку в регулярное войско. Его бригада была не только не хуже, а лучше многих других советских кавбригад. А потом, после гражданской войны, Котовский стал не только командиром корпуса, но и крупным хозяйственником, организатором Бессарабской коммуны. Следовательно, был у него и организационный талант, и какие-то военные способности (хотя военному делу он нигде не учился), а не только бесстрашие разбойничьего атамана.

Мифологизация Григория Ивановича Котовского, как легендарного героя гражданской войны, начатая еще при его жизни, приняла законченные, классические формы после его внезапной и нелепой смерти. Классическую формулу, как надо понимать Котовского, дал Сталин

в некрологе, опубликованном почти с полугодичным опозданием 23 февраля 1926 года, в День Красной Армии, в харьковской газете «Коммунист»: «Я знал т. Котовского, как примерного партийца, опытного военного организатора и искусного командира.

Я особенно хорошо помню его на польском фронте в 1920 году, когда т. Буденный прорывался к Житомиру в тылу польской армии, а Котовский вел свою кавбригаду на отчаянно-смелые налеты на киевскую армию поляков. Он был грозой белополяков, ибо он умел «крошить» их, как никто, как говорили тогда красноармейцы.

Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых – таким помню я т. Котовского.

Вечная ему память и слава».

После публикации написанного Сталиным некролога Котовский официально стал культовым советским героем, именем которого полагалось называть улицы, поселки, колхозы и пароходы.

Легендарный разбойник, бессарабский Робин Гуд, харизматический герой гражданской войны Григорий Иванович Котовский обладал недюжинным тщеславием и очень любил мистифицировать свою биографию. Своих будущих биографов он путал буквально во всем. Начиная с года рождения. В советское время в анкетах Котовский в качестве года рождения указывал то 1887, то 1888 год. Но, как выяснилось уже после его гибели, когда советские войска в 1940 году оккупировали Бессарабию, милейший Григорий Иванович омолодил себя сразу на 6–7 лет. Что ж, дело вполне понятное. Хотя красавцем-мужчиной Котовский не был, но пользовался несомненным успехом у прекрасного пола. Была у него харизма, был и свой шарм разбойника-джентльмена, возможно, частично списанный с пушкинского Дубровского и других литературных героев. И, наверное, ему хотелось представлять перед дамами молодым человеком, а не потертым жизнью мужчиной, которому уже за 40. Да и с точки зрения военной карьеры, которую Котовский весьма успешно делал в рядах Красной Армии, паспортный возраст имел не самое последнее значение. Одно дело стать командиром кавалерийского корпуса в 41 год, и совсем другое – в 34 года. Во втором случае молодой комкор выглядит куда перспективнее с точки зрения последующего выдвижения на новую, более высокую должность. Наверное, неслучайно после смерти Котовского родилась легенда, будто глава Реввоенсовета и нарком обороны Михаил Васильевич Фрунзе, чей отец тоже был выходцем из Бессарабии, даже собирався назначить его своим заместителем.

А вообще-то перед Григорием Ивановичем и позднейшими советскими пропагандистами, лепившими образ легендарного героя гражданской войны и рыцаря революции, стояла непростая задача. Требовалось из одного из королей преступного мира Юга России сотворить не просто образ романтического разбойника и нового Робин Гуда, но и превратить его в революционера и сознательного борца с самодержавием, еще до 1917 года осознавшего историческую правоту партии большевиков во главе с Лениным и в дальнейшем с энтузиазмом и радостью вставшего под ее знамена.

Но омоложение себя Котовским на целых семь лет, как мы увидим дальше, имело и одну сугубо практическую задачу. Григорию Ивановичу было необходимо скрыть факт своего уклонения от отбытия воинской повинности и участия в русско-японской войне. Факт банального дезертирства, да еще в военное время, героя революции определенно не красил, как протест против империалистической войны подобная акция никак не проходила. Тем более, что русско-японская война, в отличие от Первой мировой, в советской пропаганде никогда не называлась империалистической, а наоборот, считалась, со стороны царской России, если не справедливейшей, то хотя бы полусправедливой, что ли. А уж Советско-японская война 1904–1905 годов вообще подавалась как законный реванш за поражение в войне 1904–1905 годов. Все-таки тогда Япония напала на Россию, да и героическая оборона Порт-Артура и подвиг «Варяга» в народном сознании воспринималась в качестве безусловно положительных образов, хотя

и были результатом военной пропаганды. И песен об этой войне, не в пример Первой мировой, в советское время пели немало, популярность они не утратили вплоть до наших дней. Достаточно назвать песни о «Варяге» и «На сопках Маньчжурии». Песням Первой мировой войны повезло гораздо меньше. В лучшем случае помнят их перелицовки эпохи гражданской войны. Многие ли знают, что знаменитая песня советских партизан Дальнего Востока «По долинам и по взгорьям шла дивизия вперед...», равно как и не менее знаменитый в белой среде марш Дроздовского полка (Из Румынии походом шел Дроздовский славный полк...) имеют своим первоисточником марш Сибирских стрелков, слова к которому написал Владимир Алексеевич Гиляровский, легендарный «дядя Гиляй» («От тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки, молчаливо, грозной тучей шли на бой сибиряки»). А автора музыки этой песни мы не знаем и по сей день.

В общем, получается, что героический Котовский вдруг уклонился от исполнения воинского долга. Вот если он родился в 1887 или 1888 годах, тогда вопросов не возникнет. На момент начала русско-японской войны Котовскому, получается, было всего 16–17 лет, а в царскую армию призывали с 21 года.

Ну, а теперь начнем по порядку. Когда и где родился Григорий Иванович Котовский? Это окончательно выяснилось только после т. н. «освободительного похода» Красной Армии в Бессарабию и Северную Буковину в июне 1940 года. После того, как Бессарабия превратилась в Молдавскую Советскую Социалистическую Республику, советские историки стали искать следы знаменитого «бессарабца», как называл себя Котовский. И в метрической книге обнаружилось, что Григорий Котовский, будучи четвертым ребенком в семье, родился 12 июня (по новому стилю – 24 июня) 1881 года¹ в местечке Ганчешты (по-молдавски он произносится Ханчешты; сейчас это не село, а город), Кишиневского уезда Бессарабской губернии, в семье механика винокуренного завода Ивана Николаевича Котовского, происходившего «из мещан Каменец-Подольской губернии города Балты», и его жены Акулины Романовны. По некоторым данным, она происходила из семьи раскольников белокриницкой иерархии и при замужестве стала православной. Поскольку этот толк возник в Белокриницком монастыре вблизи Черновиц, а этот город входил тогда в состав Австрийской империи, то белокриницкую иерархию часто называли австрийской. Между прочим, название села Ганчешты в переводе с турецкого означает «постоялый двор с солдатами», или «постой солдат». Оно словно предвещало будущую военную карьеру бессарабского Робина Гуда. Но был ли Котовский на самом деле Робин Гудом, защитником бедных? Или добрые разбойники бывают только в легендах и сказках? И так ли уж добр был Григорий Иванович, или больше любил рассказывать и распускать слухи о своей невиданной доброте? Мне кажется, что в чем-то Котовский был гоголевским персонажем. Что-то у него было от Ноздрева, хотя бы в желании прихвастнуть.

¹ В книге даты, относящиеся к Российской империи и послереволюционной России в период до 14 февраля 1918 года по новому стилю (григорианскому календарю), приводятся преимущественно по старому стилю (юлианскому календарю), отстававшему от григорианского календаря в XX веке на 13 дней (в некоторых случаях приводится двойная датировка). Более поздние события в СССР датируются только по новому стилю. В Бессарабии в составе Румынии в период с января 1918 года по апрель 1919 года действовал юлианский календарь, а в апреле 1919 года в Бессарабии и в Старом королевстве (территории Румынского королевства до 1918 года) был введен григорианский календарь (новый стиль). Для событий, относящихся к Бессарабии в период с января 1918 года по апрель 1919 года, мы используем двойную датировку, а в период с апреля 1919 года датируем их только по новому стилю.

Вид села Ганчешты

Всего у Котовских было шестеро детей, и Григорий был первым мальчиком среди них. О его братьях и сестрах, оставшихся на территории Бессарабии и впоследствии ставшими подданными румынского короля, мало что известно. Впоследствии он утверждал, что происходил из дворян, а дед его был «полковником Каменец-Подольской губернии», служивший под началом генерала-фельдмаршала М. С. Воронцова, но потом впавший в немилость за отказ подавлять польское восстание 1863–1864 годов и потому вышедший в отставку. Никаких доказательств этих заявлений в архивах до сих пор не найдено. А утверждение насчет деда-полковника – это явная фантазия. Если дед легендарного героя революции действительно был полковником российской императорской армии, то он в обязательном порядке должен был получить потомственное дворянство, и его сын никак не мог быть мещанином Каменец-Подольской губернии. Никаких резонов отказываться от столь важной в Российской истории привилегии как потомственное дворянство у деда Григория Котовского не могло быть. Конечно, дед мог позволить себе какую-то публичную фронду, скандал, и в результате мог быть разжалован если не в рядовые, то в поручики, и лишиться тем самым права на дворянство. Однако о разжаловании деда Григорий Котовский никогда ничего не писал. И это неслучайно. Внук прекрасно понимал, что разжалование полковника за отказ подавлять восстание в Польше было бы скандалом общеармейского масштаба, от которого должно были сохраниться документы и свидетельства очевидцев. Поэтому Григорий Иванович не рискнул в своих рассказах разжаловать деда.

Винокурный завод, на котором работал отец Котовского, был построен в конце 1870-х годов князем Манук-беем на плавунах, без свай и без фундамента, из больших серых камней. Спирт гнали из дававшей хорошие урожаи в Бессарабии кукурузы. Тогда-то и приехала в Ганчешты семья Котовских. Старший брат, Петр Николаевич, был архитектором завода, а младший брат, Иван Николаевич – механиком.

Через Ганчешты течет река Когыльник. Село расположилось вдоль грунтовой дороги на Кишинев, той большой дороги, на которой немало погулял Котовский со своей бандой.

В те времена Ганчешты было центром волости. Здесь имелись лавки, лабазы, кузницы, трактиры, большие дома купцов и скромные хаты крестьян и ремесленников, две православные церкви и синагога. Православные в Бессарабии резко преобладали. Григорий, однако, к елигии и церкви был всегда равнодушен и, как кажется, вырос стихийным атеистом. Никогда в его речах, письмах или статьях не было обращения к Богу, в том числе в знаменитой «Исповеди», призванной спасти его от смертной казни. Но, тем не менее, христианскую заповедь «не убий» до поры до времени Котовский твердо соблюдал. Вплоть до Октябрьской революции 1917 года он своей рукой не убил ни одного человека.

Биограф Котовского Владимир Григорьевич Шмерлинг, первое издание своей книги выпустивший в серии «Жизнь замечательных людей» в 1937 году, утверждал, что в детстве будущий красный командир «рос сказочно сильным. Во время перемен Гриша затевал игру: повиснут на его руках пять человек, а он всех держит. Никто из товарищей по ганчештской школе не мог разогнуть его согнутую в локте руку; никто не мог так далеко забросить камень и бешено промчаться на самой резвой неоседланной лошади.

Сыновья ганчештских лавочников, кулаков и шинкарей, живших на главной улице местечка, побаивались сына механика винокуренного завода. Однажды в школе один из них накинулся на батрачка. Гриша заступился за своего товарища и избил обидчика».

В общем, перед нами сказочный богатырь. Да еще как ловко противопоставлены сыновья лавочников, кулаков и шинкарей и сын механика винокуренного завода. У читателя должно создаться впечатление, что между ними была непримиримая классовая вражда, тогда как на самом деле все они принадлежали к тому, что сейчас обычно называют «средним классом». Ну, и конечно, как настоящий сказочный герой, Котовский с детства обладает незаурядной силой, но использует ее только для защиты униженных и угнетенных.

Отмечу, что вдова Котовского Ольга Петровна в связи с выходом первого издания книги писала Шмерлингу: «Книга хороша тем, что она правдиво отражает образ Григория Ивановича. Вы верно провели через всю книгу его порыв, его горение, его борьбу за идею коммунизма. 12 лет я страдала, 12 лет я ждала этой книги. Спасибо Вам. Мы радостно встретим 20-ю годовщину». Но образ, который создавали советские биографы Котовского, мог быть только мифологизированным и до приторности положительным.

Тот же Шмерлинг, в полном соответствии с канонами положительного культурного героя мифа, утверждает, будто дома в детстве Котовский «был нежен с сестрами, нянчил младшую, Марию, старался не шуметь, когда отец усталый приходил с завода. Однажды отец вернулся с завода домой измученный, в мокрой одежде.

Весь день провел он за ремонтом парового котла. Сам вполз в него, долго возился, а потом вышел на сквозной ветер. Отец простудился. Около года пролежал он в постели. Простуда перешла в чахотку. В начале 1895 года Иван Николаевич Котовский умер, оставив детей без всяких средств к существованию; за всю свою трудовую жизнь он не мог из своего жалованья отложить ни копейки».

Тут и смерть отца дана вполне с канонами советской пропаганды: трудился на заводчика-эксплуататора, заработал чахотку и умер. И ни слова о том, что Манук-бей помогал отцу Котовского, платил ему жалованье даже тогда, когда тот уже не работал, и оплачивал дорогостоящее лечение. Биографу просто требовалось доказать, что ненависть к «эксплуататорам» нарастала с раннего детства, что он все время пропадал в «рабочих бараках».

Но то, что сообщает Шмерлинг дальше, полностью противоречит легендарному образу. Вдруг выясняется, что по своему кругу общения и родственным связям семья Котовских скорее принадлежала к «высшему свету» ганчештского общества. Конечно, Ганчешты – это не Петербург и даже не Кишинев, но все-таки утверждать, что Григорий Котовский в детстве и юности был ближе к батракам и рабочим, а не к тем, кто их эксплуатировал, – это легенда если и не советского времени, то, по крайней мере, тех лет, когда Григорий Котовский стал извест-

ный всему югу России грабителем-налетчиком. Тогда он начал позиционировать себя добрым разбойником, сочувствующим бедным и обездоленным. А для этого образа требовался герой, уже с детства познавший все тяготы жизни и проникшийся симпатией к угнетенным.

Оказывается, старшая сестра Григория Софья вышла замуж ни больше ни меньше как за управляющего винокуренным заводом Горского. Чтобы сохранить миф о тяжелом детстве, Шмерлинг придумывает следующее: «Все в доме изменилось. Появились новые, дорогие вещи, ковры и посуда. Горский требовал к себе особого почтения. Он тянулся к богатству и знати. Управляющий сразу же невзлюбил своего шурина – подростка, который отличался «плохим поведением» в училище и всяческими проделками.

Однажды, во время семейной ссоры, Горский замахнулся на жену. Гриша схватил его за руку. Тот весь затрясся от возмущения. Гриша выбежал из комнаты, Горский погнался за ним, но не догнал. С этого дня он еще больше возненавидел мальчика.

Раньше в семье считали, что Гриша обязательно получит военное образование. Горский же рассудил иначе, – какой мол военный выйдет из заики – и, решив избавиться от своего беспокойного родственника, отдал его в низшую сельскохозяйственную школу. Сам князь Манук-Бей по просьбе Горского взялся хлопотать перед земством, чтобы сына умершего механика Котовского приняли на казенный кошт».

Если бы биограф Котовского не был скован марксистско-ленинской догматикой, то историю отношений Горского и Котовского можно было бы замечательно описать, используя фрейдистский Эдипов комплекс. Горский подозревает брата жены в инцесте с ней и потому любым путем стремится избавиться от действительного или мнимого соперника. На самом деле излагаемая Шмерлингом версия не менее анекдотична. Горский, который ходатайствует за Котовского перед князем Манук-беем, смотрится довольно нелепо. С чего вдруг управляющий, который терпеть не может шурина, вдруг заботится об его образовании. И почему если Котовский станет офицером, то это для мужа его сестры плохо, а если агрономом – то хорошо. И стремление быть офицером как-то не вяжется с упорным уклонением будущего красного комбрига от службы в царской армии. А ведь, окончив сельскохозяйственное училище, он потом имел бы все возможности поступить на военную службу вольноопределяющимся, что открывало дорогу к будущему офицерскому званию. Скорее всего, желание стать офицером – это позднейший миф, созданный самим же Котовским уже в советское время, чтобы показать, что, став командиром Красной Армии, он фактически осуществил свою детскую мечту. А про реальное училище, из которого Котовского вышибли за неуспеваемость, Шмерлинг не стал говорить вовсе. Для того, чтобы замаскировать покровительство Манук-бея семье Котовских, и понадобилось придумывать ссору Котовского с Горским.

К сожалению, в случае с ранними годами жизни Котовского, до того, как он попал в поле зрения полиции, сначала как мелкий мошенник, затем – как дезертир, а потом уже – как знаменитый разбойник и налетчик, мы вынуждены иметь дело с мифами, сначала порождаемых им самим, а потом – советской пропагандой. Впрочем, и вокруг последних лет жизни Котовского после революции 1917 года и вплоть до его трагической гибели мифов тоже предостаточно и, из-за недостатка документов или независимых от мифов мемуарных свидетельств порой оказывается невозможно отделить правду от вымысла.

Тут следует сказать, что после того, как на исходе перестройки появились, наконец, возможности более или менее объективно и с привлечением архивных источников исследовать биографии многих героев советского времени, Котовскому в этом отношении не слишком повезло на его родине, в Молдавии. Он не принадлежал к коренной молдавской нации, будучи русским, и после появления независимого Молдавского государства у местных историков фигура Котовского большого интереса не вызывала. А ведь именно в Молдавии сохранились архивы, которые могли прояснить многие загадки юных лет «последнего гайдука», и могли также сохраниться еще устные свидетельства, передаваемые из поколения в поколе-

ние и существенно отличающиеся от канонической версии раннего периода биографии Котовского. В отколовшейся же от Молдавии по инициативе Москвы Приднестровской Молдавской Республике, население которой во многом сохранило прежний советский менталитет, Котовский остался положительным культурным героем мифа, и никаких критических исследований его биографии здесь, вполне естественно, так и не было предпринято. Кстати сказать, сама ПМР возникла примерно на той же территории, где в 1925 году была создана Молдавская АССР, одним из вдохновителей которой был Котовский. Ее в шутку даже называли иногда «Республика Котовия».

Критические версии биографии Котовского появились в России и на Украине. Однако они затрагивали главным образом советский период его жизни, а также времена, когда он уже стал «романтиком Большой дороги» и «борцом против эксплуататоров». А вот период детства и ранней доразбойничьей юности Котовского так и остался во власти мифом. И сегодня мы не можем определенно сказать, каким именно был Григорий Иванович в юности. Можно лишь уверенно сказать, что он уже тогда был неплохим наездником, как и подавляющее большинство бессарабцев, выросших на селе, что еще до поступления в Кокорозинское сельскохозяйственное училище он познакомился с земледельческим трудом.

Легенду творили и сам Котовский, и его соратники и последующие военачальники Красной Армии и политики, включая самого Сталина, и советская пропаганда в целом, частью которой и стала книга Шмерлинга и позднейшая книга Геннадия Ананьева, вышедшая в ЖЗЛ в 1982 году. Последняя во многом повторяет факты, собранные Шмерлингом, но убирает из повествования имя Сталина, зато вводит в него имена Якира и других советских военачальников, репрессированных в 30-е годы, которых Шмерлинг не мог называть в последнем издании своей книги, вышедшем в 1950 году. Упоминание же этих лиц в первой редакции биографии едва не сорвало ее издание в конце 1937 года. Дело в том, что о детстве и юности Котовского писали почти исключительно его друзья и соратники. Люди из противоположного лагеря внимания Котовскому почти не уделяли. Единственным исключением стала биография Котовского, написанная Романом Гулем и изданная в Нью-Йорке в 1975 году под названием «Маршал-Анархист». Она родилась из очерка «Котовский», помещенного в вышедшую в 1932 году книгу «Красные маршалы». Здесь действительно дана попытка дать критическую биографию «молдавского Робин Гуда», или, как говорил сам Гуль, «бессарабского Карла Моора», вспомнив шиллеровского героя. Однако Гуль в своей биографии Котовского не опирается на знание источников, и его книга полна фантастических подробностей. Например, в книге, изданной в 1975 году, он по-прежнему утверждал, что Котовский родился в 1887 году, хотя еще в издании 1950 года своей биографии Котовского Шмерлинг привел точную дату рождения Григория Ивановича в 1881 году. Поступление управляющим в имение Гуль связывал с необходимостью обеспечивать семью после смерти отца, тогда как в действительности это была практика, обязательная для всех выпускников Кокорозненского училища. Гуль также утверждал, будто Котовский убил помещика, который приревновал к нему свою жену, тогда как на самом деле до Октябрьской революции 1917 года от рук Котовского вообще не погиб ни один человек. Отца Котовского Роман Борисович называет не только инженером, но и дворянином. Неверно не только второе, но и первое. Чтобы зваться инженером, надо было окончить университет, но отец Котовского никакого университета не кончал (иначе бы он обладал личным дворянством). Повторяет Гуль и версию самого Котовского о том, будто бы при по беге с каторги он убил булыжниками двух часовых. В то же время, Гуль очень верно подметил артистизм Котовского, его желание все время играть на публику: «Ловкость, сила, звериное чутье сочетались в Котовском с большой отвагой. Собой он владел даже в самых рискованных случаях, когда бывал на волос от смерти. Это, вероятно, происходило потому, что «дворянин-разбойник» никогда не был бандитом по корысти. Это чувство было чуждо Котовскому. Его влекло иное: он играл «опаснейшего бандита» и играл, надо сказать, мастерски. В Котовском была

своеобразная смесь терроризма, уголовщины и любви к напряженности струн жизни вообще. Котовский страстно любил жизнь – женщин, музыку, спорт, рысаков. Хотя и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда – в роли богатого, элегантно-одетого барина и жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил». Но до этого была еще далеко. Мальчик в Ганчештах о такой шикарной жизни даже не мечтал.

Корозенское сельскохозяйственное училище

Отец Котовского получал 50 рублей жалованья в месяц. У него был собственный дом с виноградником, садом и огородом. Но в 1889 году семью постигло несчастье. Родив пятого ребенка – дочь Марию, от послеродовой горячки скончалась Акулина Романовна. Иван Николаевич тяжело переживал смерть любимой жены.

Отец нередко брал Гришу на завод. Мальчику там нравилось. Гриша любил бывать в машинном отделении, слушать однообразный гул машин.

Как и подавляющее большинство мальчишек, Гриша часто лазил по крышам и чердакам. Однажды, в семилетнем возрасте, он сорвался с крыши. Гришу принесли домой без чувств. После этого случая Котовский стал заикаться. Уже в зрелом возрасте он преодолел заикание, но оно возвращалось, когда Григорий Иванович сильно волновался.

Гриша любил музыку, и сам на трубе подбирал любимые мелодии.

В Ганчештах Григорий окончил народное двухклассное училище, где не отличался ни образцовой успеваемостью, ни примерным поведением. Будучи с детства очень сильным, он нередко поколачивал сверстников.

В 1895 году отец Григория Котовского умер от туберкулеза легких. Пятеро детей стали сиротами. Но о них позаботился крестный Котовского князь Григорий Мирзоян Манук-бей. Он был внуком известного армянского дипломата Манук-бея Мирзояна, в доме которого в Бухаресте был подписан 11 июля 1812 года Бухарестский мир между Россией и Турцией, отдававший Бессарабию во владение Российской империи. Тогда еще, заметим, Манук-бей состоял не на русской, а на турецкой службе, будучи великим драгоманом Порты (представителем всего православного населения Оттоманской империи перед султаном) и министром финансов. За успехи в сфере государственных финансов Манук Мирзаян в 1808 году получил от султана титулы бея и молдавского князя. Он был одним из богатейших людей импе-

рии и построил себе в Бухаресте великолепный дворец, в котором и происходило подписание Бухарестского мира. Но сразу после этого был не без оснований обвинен султаном в том, что за крупную взятку способствовал заключению мира на выгодных для России условиях. Доказательство справедливости турецких подозрений служит послание Манук-бею от Александра I: «Господин Манук-бей! Многократные доказательства вашей преданности России и большие усердия в службе в интересах империи нашей, о чем не замедлили главнокомандующие моей армией на берегах Дуная обратить наше особое к вам внимание. В воздании ваших заслуг и в знак моей благосклонности к вам всемилостивейше жалую вас кавалером ордена Святого Владимира третьей степени, коего знак сего к вам доставляю». Неудивительно, что Манук-бей предпочел остаться в Бессарабии, бросив роскошный дворец в Бухаресте, и перейти в российское подданство.

За заслуги в подписании Бухарестского мирного договора Мануку Мирзояну был пожалован чин действительного статского советника и камергера, дающий потомственное российское дворянство, а также княжеским титулом, примерно эквивалентным его турецкому титулу бея. Император Александр I также даровал Манук-бею обширный лесной массив в Кодрах. Там князь построил замок во французском стиле с зимним садом, сторожевыми башнями и парком и начал производить вина и коньяки по французским технологиям, по качеству не уступавшие французским образцам. Вот на этом винокуренном заводе князей Манук-беев и работал механиком отец Котовского Иван Николаевич. Вопреки позднейшим утверждениям Григория Ивановича о своем бедняцком происхождении, Котовские жили далеко не бедно, имели большой собственный дом и сад и пользовались покровительством Манук-бея. Последний год жизни Николай Иванович не мог работать из-за прогрессирующей чахотки, но князь не только платил ему полное жалованье, но и тратил немалые деньги на дорогостоящее лечение.

Григорий Манук-бей был од ним из богатейших землевладельцев Бессарабии. Ему принадлежало более 5 тыс. десятин плодороднейших земель. В имении был огромный тенистый парк, плодовые сады, виноградники – все, чем издавна славится бессарабская земля.

Чуть в стороне от Ганчешт, на пригорке, окруженный дубовой рощей, высился белый дворец Манук-Бея. Поместье состояло из маленького охотничьего замка, белой столовой, помещения для слуг и огромного господского дома, на третьем этаже которого располагался солярий и фонтан с золотыми рыбками и экзотическими растениями. Кроме зимнего, был и большой фруктовый сад, и виноградники, и большой тенистый парк. В доме крестного Григорий Котовский в детстве бывал часто.

Казалось бы, по законам жанра, здесь должна была бы родиться романтическая легенда, что Григорий Котовский на самом деле был не только крестником, но и внебрачным сыном бездетного Манук-бея. Обычно в романах и пьесах о легендарных разбойниках именно так и происходит. Но никаких доказательств, что Григорий Котовский имел столь знатного отца, найдено не было. Впрочем, в советское время их и не искали, а сам Григорий Иванович подобной версии тоже никогда не выдвигал, удовлетворившись легендой о мнимом дворянстве отца и деда. После 17-го года подобное социальное происхождение и вовсе не приветствовалось. Кстати, с крестным у Котовского совпадало не только имя, но и отчество. Отцом покровителя будущего «последнего гайдука» был сын Манук-бея Мурад, в России крестившийся в Ивана.

Были ли род Котовских когда-то дворянским, мы, наверное, не узнаем никогда. После того, как обширные территории Речи Посполитой в результате трех разделов оказались в составе Российской империи, новые власти озаботились большой долей польского дворянства (шляхетства) в населении. В отдельных уездах Северо-Западной Белоруссии и Литвы шляхта, т. е. неподатное сословие, составляла до 15–20 % всего населения. На Украине доля шляхты была меньше, но и здесь имелось немало шляхтичей, которые по своему реальному положению мало отличались от крестьян. Они не имели крестьян и вынуждены были сами обрабатывать свои небольшие земельные наделы.

Российское правительство всячески стремилось уменьшить численность шляхты, следуя при этом в первую очередь политические, а не фискальные цели (дворянство было неподатным сословием). Подтверждения шляхетства требовали в первую очередь у католиков, полагая, что польские дворяне глубоко враждебны империи. Если шляхтич не мог подтвердить шляхетство (а далеко не у всех сохранились дипломы о пожаловании), то его переводили в мещане или в крестьяне-однодворцы и вынуждали платить налоги. Если же шляхтич переходил в православие, проблемы с подтверждением шляхетства обычно не возникало, даже если у таких дворян не было крепостных. Правда, нередко новообращенным в православие полякам предоставляли землю или должность за пределами западных губерний. Отец же Котовского был православным, поэтому маловероятно, что он или его предки принадлежали к раскассированной шляхте. Скорее всего, он действительно был выходцем из мещанского сословия. Хотя, конечно, и раскассированный в мещане бывший шляхтич-католик позднее мог перейти в православие.

Стоит отметить, что в «Списке дворян, внесенных в дворянскую родословную книгу Подольской губернии на 1897 год», в 6-й части, куда вносили дворян, пожалованных дворянством за службу, есть Котовские, но они вряд ли имеют отношение к отцу Григория Ивановича. Это – Иван, сын Ивана Андрея и внук Иосифа Войцехова, внесенный в книгу указом от 19 декабря 1844 года, и Феликс и Антон Викентий, сыновья Ивана Андреева, внесенные в книгу указом от 21 марта 1849 года. Были Котовские дворяне и в других губерниях, например, Киевской, но ведь сам Котовский всегда настаивал, что его предки были дворянами именно Подольской губернии.

Как прошло детство нашего героя? Котовский вспоминал, что «был слабым мальчиком, нервным и впечатлительным. Страдая детскими страхами, часто ночью, сорвавшись с постели, бежал к матери (Акулине Романовне), бледный и перепуганный, и ложился с ней. Пяти лет упал с крыши и с тех пор стал заикой. В ранних годах потерял мать...» После падения с крыши Котовский страдал не только заиканием, но и эпилепсией.

После смерти матери воспитанием Котовского занялась его крестная мать София Шалль, молодая вдова и дочь бельгийского инженера. Помогала и сестра Григория Софья. На средства Манук-бея Котовский поступил в 1895 году в Кишиневское реальное училище, но спустя три месяца был изгнан из него за постоянные прогулы и дурное поведение. Возможно, Григорию не понравился упор на естественные науки, хотя и к гуманитарным, похоже, он тогда большого интереса не проявлял. В конце концов Манук-бей определили сорвиголову в Кокорозненское сельскохозяйственное училище, расположенное в селе Кокорозены, Чеколтенской волости, Оргеевского уезда. Как сироту, его определили на казенный кошт. Там готовили управляющих имениями, младших агрономов, специалистов по виноградарству и табаководству в частных хозяйствах. Училище было создано 1 мая 1893 году Бессарабским губернским земством и финансировалось главным образом взносами крупных землевладельцев и монастырей. Оно находилось на арендованной у монастыря земле.

В училище Котовскому понравилось. Учили главным образом практическим вещам, которые могут пригодиться в жизни. Учащиеся обрабатывали 500 десятин сельскохозяйственных земель, трудились на расположенных на них животноводческих фермах, на практике постигая особенности крестьянского хозяйства. Они осуществляли вспашку и посев, уборку, молотьбу и очистку семян, а также занимались сушкой фруктов и овощей. Работали на огороде, на пасеке, на табачной плантации, в питомнике. Там на практике изучали способы прививки виноградной лозы или выведение и кормление шелковичных червей. Работала и на мельнице, и в коровнике. В школе учили варить сыры, а это искусство только-только приживалось в Российской империи, где сыры традиционно ввозили из-за границы, а производили только брынзу и другие творожные сыры. Кроме того, учащиеся овладевали навыками работы управляющего. Один месяц в году они вели ежедневные записи обо всей хозяйственной деятельности и состав-

ляли наряды на работы. Потом составляли подробный отчет. Приобретенные навыки по управлениюгодились Котовскому в дальнейшем не только на ниве сельского хозяйства.

А с декабря по март изучали общеобразовательные предметы. Зимой же учащиеся очищали семена, изготавливали веники, ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь.

Позднее Котовский вспоминал: «Из всей прожитой мною жизни время пребывания в Кокорозненском сельскохозяйственном училище является самым светлым, ярким, радостным периодом...» И здесь он не кривил душой. Управляющий училищем И. Г. Киркоров свидетельствовал, что Котовский все работы исполнял с любовью и усердием и служит примером для своих товарищей.

В воспоминаниях о Кокорозненской школе Григорий Иванович также утверждал: «Здесь впервые уже начала оформляться моя личность протестанта против существующего порядка вещей. Эти протесты выливались в стихийные, неорганизованные формы, но я уже являлся вожаком, за которым зачастую шли воспитанники даже старших классов». Тут, скорее всего, верно насчет того, что Котовский в школе был вожаком. Лидерские качества у него проявлялись всегда. А вот насчет протеста против существующего строя... Сегодня попытка выдать за пусть неосознанные, но революционные выступления школьные шалости вызывает только улыбку.

В Кокорозненской школе Котовский стремился поддерживать себя в хорошей физической форме. Он ежедневно занимался гимнастикой, много времени уделял верховой езде. В свободное время воспитанники школы также играли в кегли и в мяч, обучались танцам. В школьном оркестре Котовский играл на корнете, а иногда даже выступал в роли капельмейстера. Пел Григорий и в школьном хоре, славившемся на весь уезд.

Особенно успевал он по таким предметам как немецкий язык и агрономия. Манук-бей обещал отдать его впоследствии в немецкий университет.

Позднее Котовский утверждал: «Все свое детство я проводил в заводских казармах рабочих, и их тяжелая, кошмарная жизнь наложила на мою душу свою печать». Это – чистейшие фантазии в духе революционного романтизма, призванные показать, что у Котовского с юных лет появилась классовая ненависть к эксплуататорам. На самом деле Котовские жили в благоустроенном собственном доме, а рабочих казарм в Ганчештах вообще не было. Персонал винокуренного завода не превышал двух десятков человек и, за исключением специалистов, вербовался из местного населения, которое ни в каких казармах не жило.

Русскую литературу Котовский, по его уверению, не читал вовсе. После революции он даже говорил об этом с гордостью: «Никаких Толстых и Тургеневых – вся эта литература заставляет русского человека страдать, и только усиливает безысходность его рабской жизни». Его увлекала зарубежная приключенческая литература, Луи Буссенар, романы о приключениях знаменитого сыщика Ната Пинкертон, романы Фенимора Купера об индейцах и ковбоях, другие зарубежные произведения приключенческого жанра увлекали Григория. Хотя, подозреваю, что кое-что из русской литературы он все-таки читал, например, пушкинского «Дубровского».

С детства Котовский любил спорт – бокс, гири и крокет, а позже и футбол. Атлетически сложенный и укреплявший свою природную силу гимнастическими упражнениями, он действительно обычно выходил победителем в схватках со сверстниками и завоевал у них немалый авторитет, обнаружил качества вожака. Все это ему в дальнейшем здорово пригодилось в его полной приключений жизни. Недаром в училище Котовского называли «Березой». Такое прозвище в деревнях дают сильным и драчливым парням, способным повести за собой других. В училище Котовский научился играть на скрипке, гармонии, гитаре, трубе и кларнете. Он обладал хорошим музыкальным слухом и довольно сильным голосом, пел в хоре. Уже в юности он стал полиглотом, кроме родного русского, владел румынским, польским, украинским, французским, немецким и идишем.

Молодой разбойник

Детство и юность Котовского прошли в Бессарабии, одной из самых многонациональных губерний Российской империи. Название Бессарабия происходит от имени Бассараба, вождя племени бессов или басторнов, которые, согласно римскому географу Страбону, составлявшего часть народа гетов, жившего, во времена Геродота, в центральных областях гор Гемус (Балкан). Геты были родственны дакам, и оба эти народа являются предками современных румын и молдаван. Согласно другой версии, принятой в румынской историографии, название *Țara lui Basarab* – «Земля Басараба» происходит не от легендарного гетского вождя, а от имени вполне конкретной исторической личности – валахскогоевобы Басараба I Великого (1289–1352) правившего с 1310 года.

В 1889 году население Бессарабской губернии составляло 1 628 876 человек, включая 1 368 668 православных, 180 910 иудеев, 44 214 протестантов (в основном немцев-колонистов, имевших налоговые льготы), 21 900 раскольников, 9307 католиков (в основном поляков) и 3849 армяно-григориан. Из числа православных несколько менее миллиона составляли румыны, которые тогда официально молдаванами не назывались. Во всяком случае, в статье «Румыны» Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона говорилось о проживающем в Бессарабии 1 миллиона румын, и подчеркивалось, что они с остальными румынами «составляют в отношении языка и племени одно целое». Статьи же «молдаване» в словаре не было, а «Молдавией» называлась только часть Румынии, бывшее княжество, без всяких указаний, что это название может быть распространено и на Бессарабию. Термин же «молдаване» в Российской империи существовал, но относился ко всему румынскому населению, включая выходцев из Валахии. До 1917 года термины «Молдавия» и «молдаване» не были в ходу применительно к Бессарабии и к населению Бессарабии, говорящему на румынском языке. Причем первыми название «Молдавия (Молдова)» применительно к Бессарабии стали использовать те местные политики, которые выступали за присоединение Бессарабии к Румынии. Тем самым подчеркивалось, что до 1812 года она была частью Молдавского княжества.

Среди румынского дворянства (бояр) и интеллигенции постепенно развивалось национальное движение. Но в 1883 году на просьбу допустить использование румынского языка в дворянских и земских собраниях был получен категорический отказ, мотивированный тем, что Бессарабия является «приграничной» губернией, где «все русское должно поддерживаться с особой строгостью» и русский язык «не должен уступать никакому иностранному языку». Уже в 1885 году начальник жандармерии Орхея сообщал, что местная интеллигенция провозгласила «неприязнь ко всему русскому» и вынашивает «мечту об отделении Бессарабии от России и присоединение ее к Румынскому королевству». В конце XIX века выходцы из Бессарабии, обучавшиеся в Дерптском (ныне Тартусском) университете создали Дерптское землячество, которое, помимо студенческой взаимопомощи, занималось культурной и политической деятельностью. В обществе участвовали Ион Пеливан, Василе Оатул, Георге Кику, Александру Оатул, Ал. Гришков и др. Они выступали за воссоединение Бессарабии с Румынией и придерживались социал-демократических идей. Но весной 1902 года большинство членов Общества были арестованы за призывы к антигосударственным действиям. Через пять месяцев заключения из-за отсутствия улик большинство задержанных выпустили, но В. Оату, И. Пеливана и Ал. Гришкова отправили в ссылку. Только в сентябре 1905 года, после начала Первой русской революции, группа бояр (крупных землевладельцев) и интеллигентов, во главе с губернским предводителем дворянства Павлом Дическулом основали в Кишиневе Бессарабское Молдавское общество содействия народному образованию и изучению родного края. Общество учреждалось «для содействия всеми средствами делу народного образования молдаван Бессарабии и всестороннему изучению края. В основу положена мысль, что элементарное обучение воз-

можно лишь на родном языке – молдавском» и не ставило перед собой каких-либо политических целей, чтобы не конфликтовать с властями. Чтобы не раздражать власти, румынский язык был назван молдавским. Литературу и газеты «Бессарабское Молдавское общество» получало из Румынии. За один только 1906 год в Бессарабии было продано более 2000 румынских книг, не считая журналов и газет.

11 декабря 1905 года Бессарабское земство приняло решение о необходимости преподавания молдавского языка в начальной школе. При этом сохранялось также обязательное преподавание русского языка. Молдавский язык был восстановлен в богослужении. На русском и молдавском языках печатался церковный журнал «Луминэторул», что стало первым шагом на пути возвращения румынского языка в церковь, где он после 1812 года был насильно заменен церковнославянским. Румынский язык был утвержден русским Синодом только как факультатив. Семинаристы Кишинева организовали забастовки в 1906–1908 годах. Многие из них были отчислены.

Меньшинство членов «Бессарабского Молдавского общества», группа молодых интеллигентов-националистов, объединившихся вокруг издававшейся при финансовой поддержке из Румынии газеты «Basarabia», требовала радикальных социальных реформ, прежде всего, аграрной, а в перспективе – воссоединения Бессарабии с Румынией. Против этого не возражала и умеренная часть общества, но опасалась озвучивать такие требования публично, опасаясь репрессий. Но все члены общества признавали принадлежность населения Бессарабии к «аеликой румынской нации». Газета «Basarabia», издававшаяся с 1906 года и редактировавшаяся Ионом Пеливаном, опубликовала программу из четырех пунктов: «Автономия (имелось в виду возвращение к ограниченной автономии Бессарабии, существовавшей до 1873 года. – Б. С.). Румынский язык и культура. Полные гражданские права для Бессарабии. Земля для бессарабских крестьян». Резким оппонентом «Бессарабского Молдавского Общества» стал лидер русских националистов Бессарабии Павел Крушеван, также выходец из бояр, и издаваемая им газета «Друг», обвинявшая членов общества в сепаратизме и отрицала необходимость школьного обучения на румынском языке. Кроме того, в начале 1907 года стала издаваться в начале 1907 г. второй румыноязычной газеты «Молдованул (Молдаванин)», финансируемая губернскими властями и редактировавшаяся Георгием Маданом, сыном священника, ранее эмигрировавший в Румынию. Она критиковала политический «сепаратизм» газеты «Basarabia», но разделяла ее культурную программу. Вместе с тем, Мадан, подобно Крушевану, называл лучшими друзьями молдаван членов называл членов черносотенного «Союза русского народа» и разжигал антисемитские настроения. В марте 1907 года «Basarabia» была закрыта в административном порядке за публикацию стихотворения «Пробудись, румын!» (Deșteaptă-te, române!). Попытки возродить ее под другими названиями результата не дали, и соответствующие газеты также были закрыты. «Молдованул» был закрыт в октябре 1908 года. После закрытия газеты «Basarabia» «Молдованул» фактически являлся органом умеренного крыла «Бессарабского Молдавского Общества». Молдавские националисты в Молдавии так и не смогли провести ни одного депутата в Государственную Думу, так как молдавские крестьяне чаще всего поддерживали крайне правые русские партии. Вплоть до Первой мировой войны молдавское национальное движение затухает, лишенное своих печатных органов. Многие его деятели эмигрировали в Румынию.

Большинству крестьян оставались чужды культурные требования румынской интеллигенции. Сказывался низкий уровень грамотности молдаван и их тяжелое экономическое положение. Кроме того, в сельской местности русификация в школе и церкви проявлялась гораздо слабее, чем в городах. В связи с этим губернское жандармское управление сообщало, что «молдоване, прибывая под русским владычеством, не только не обрусели, но омомдованили и продолжают омомдованивать славянские элементы». Здесь же утверждалось, что «румынский язык является более распространенным в Бессарабии, чем русский. Румынский язык есть язык

купли и продажи для большинства населения в губернии». В конце XIX века уровень грамотности сельского населения Бессарабии не превышал 12 %. А в целом по губернии в населении старше 9 лет грамотных было только 20 %. Молдавская национально-демократическая партия, созданная радикальной частью «Бессарабского молдавского Общества» в 1906 году, выступала за автономию и аграрную реформу, но не смогла провести своих депутатов в Думу. Но в 1908 году царское правительство приняло решение о введении всеобщего начального образования. В 1917 году в школах училось уже 53 % детей Бессарабии. Это создавало объективную основу для нового подъема молдавского национального движения. В 1913 году появились новые издания на румынском языке в Бессарабии «Гласул Басарабией» (Голос Бессарабии) и «Кувынт Молдовенеск» (Молдавское слово).

По данным переписи 1897 года в Бессарабской губернии было 1 933 436 жителей (991 257 мужчин и 942 179 женщин), из них в 17 городах проживало 304 182 человека, в том числе в губернском городе Кишинёве – 108 796 человек. Городское население губернии составляло 15,7 %. 47,6 % жителей Бессарабии были молдаванами, 19,6–украинцами, 11,8–евреями, 8–русскими, 5,3–болгарами, 3,1–немцами и 2,9–гагаузами. Кроме того, в губернии жили поляки – 0,5 %, цыгане – 0,4 %, армяне – 0,11 %, греки – 0,1 %, албанцы – 0,04 %, французы – 0,02 %, чехи – 0,02 % и караимы – 0,005 %. По сравнению с 1859 года доля молдаван (румын) снизилась на 7,3 %. Русские преобладали в сфере государственной администрации, суда, полиции, Бессарабии, где их доля превышала 60 %.

Среди городского населения 37,2 % составляли евреи, 24,4 % – русские, 15,8 % украинцы и только 14,2 % молдаване. Горожане, включая этнических молдаван, получали образование на русском языке. Особенно много украинцев было на севере, в Хотинском уезде, а также в южных уездах Бессарабии (Буджаке), откуда местное, преимущественно тюркоязычное население (ногайские татары и турки) было выселено русскими оккупационными властями еще в ходе русско-турецких войн 1806–1812 и 1877–1878 годов. Здесь же были сосредоточены переселившиеся из Османской империи гагаузы и болгары. Большинство католиков были поляками, хотя не исключено, что в их числе учтено и несколько сот армяно-католиков. Было среди православных и несколько тысяч греков и болгар, а также русских старообрядцев, бежавших сюда еще в XVII–XVIII веках. Другие русские были представлены чиновниками, военными и помещиками. Большинство протестантов были немцами, а так же германо-швейцарцами. Последние славились своими винами, производимыми на винзаводе в поселке Шабо. Было в Бессарабии и несколько тысяч цыган. Большинство украинцев, немцев болгар и греков приехали в Бессарабию уже в бытность ее в составе Российской империи после 1812 года в качестве колонистов осваивать свободные земли на юге губернии. Бессарабия никогда не знала крепостного права, но большинство крестьян не имело собственной земли и вынуждено было работать на помещиков, которые были представлены румынами, русскими, немцами и армянами. К последним, как мы помним, принадлежал и покровитель Котовского Манук-бей. В 1868 году в руки крестьян было передано за выкуп, который они вносили до 1905 года, 1,6 млн. гектаров земли. 2,2 млн. гектаров остались у помещиков и монастырей. К концу XIX века 60 % всей пахотной земли владели крестьяне, у дворян оставалось около 25 %, у купцов и иных городских сословий – 8 %, у иностранных православных монастырей (румынских, болгарских и греческих) – 5 %. В 1905 году 1427 дворянских семейств владели только 22 % сельскохозяйственных земель. Средний размер дворянского имения составлял 603 десятины. При этом в Бендерском и Измаильском уездах средний размер имений составлял около 2 тыс. десятин. Здесь разбойникам было особенно выгодно действовать, так как они могли рассчитывать на большую добычу. Большинство же помещиков владело от 50 до 2000 десятин. Имений же площадью более 10 тыс. десятин было только два. Частных землевладельцев из других сословий было более 5 тыс. Некоторые мещане и крестьяне владели многими сотнями и даже тысячами десятин земли. Тех крестьян, кто владел более 10 десяти-

нами земли, было в 1905 году больше 1 тыс. Особенно много таких крестьян было в Бендерском уезде, где средний размер крестьянского частного владения составлял около 300 десятин. Такие крестьяне тоже становились жертвами набегов Котовского и его шайки. Средний же размер крестьянского владения в Бессарабии составлял 48 десятин, т. е. 1971 семья владела 95 тыс. десятин. Мещане же владели 125 тыс. десятин при среднем размере владения 143 десятины. После начала 9 ноября 1906 года и вплоть до 1915 года 12 тыс. крестьян оформили в частную собственность 132 тыс. десятин, или 7,3 % всей наделной земли.

Однако гораздо хуже с обеспеченностью землей обстояло дело на наделных землях, составлявших в 1905 году 46,7 % всех сельскохозяйственных земель. У царан (бывших владельческих крестьян, живших ранее на помещичьих и монастырских землях) на которых приходилось 39 % всех наделных земель, средний надел не превышал 4 десятин. За наделную землю царанам до 1905 года приходилось платить помещику, хотя крепостного права в Бессарабии не было. Лучше было положение бывших государственных крестьян, у которых средний размер надела составлял 9,6 десятин и на которых приходилось 35 % всех наделных земель. У бывших колонистов (поселян собственников), селившихся в основном в Буджаке, владевших 25 % наделной земли, средний размер надела поднимался до 16,3 десятин. Таким образом, Примерно 178 тыс. крестьянских хозяйств владели менее 5 десятин земли, что не обеспечивало надежного прожиточного минимума. Ницн примерно 110 тыс. хозяйств своей земли не имели и вынуждены были ее арендовать. Вот эти крестьяне бедняки, да еще почти 200 тыс. сельскохозяйственных рабочих и поставляли кадры для разбойничьих шайк и горячо сочувствовали таким, как котовский, нередко укрывая их от полицейской погони. 97 тыс. зажиточных крестьянских семейств, наоборот, могли в любой момент стать жертвой Котовского и его людей. Самыми бедными в Бессарабии были Хотинский и Оргеевский уезды, где тех, кто владел менее чем 5 десятинами, было более 93 % дворов. Также неблагополучны были Сорокский и Кишиневский уезды, где доля бедняков составляла соответственно около 88 и более 80 % всех дворов, тогда как в остальных уездах бедняков было меньшинство. Замечу также, что в Хотинском, Оргеевском и Хотинском уездах была повышенная доля украинского населения, что предопределила значительное участие украинцев в банде Котовского. Преобладали украинцы и среди батраков. Кстати сказать, в 1909–1913 годах мужчинам-батракам без лошади в Бессарабии платили на своих харчах в период весеннего сева 71 копейку в день, в период сенокоса – 85 копеек, в период сбора урожая – 92 копейки. При хозяйских харчах расценки понижались соответственно до 53, 66 и 70 копеек. В соседней Подольской губернии расценки были значительно ниже, а в Херсонской – весной ниже, а летом выше. Так что бессарабским батракам жилось сравнительно неплохо, что, однако, не избавляло их от зависти к богатым помещикам, кулакам и купцам. Также и крестьяне, даже владевшие менее 5 десятин земли или арендовавшим землю, голодная смерть ни в коем случае не грозила. Засеяв кукурузой 1 фальчу (около 1,3 десятины), крестьянская семья могла свободно прокормиться круглый год. Обычно же меньше 3 десятин земли в распоряжении крестьянской семьи не было. Другое дело, что хозяйства, имевшие менее 5 десятин, почти не производили товарной продукции. Продавали лишь столько, чтобы хватило на уплату аренды и налогов (а иногда деньги зарабатывали в качестве поденщиков). Поэтому особых стимулов к производительному труду у крестьян не было. Для того, чтобы про кормить семью, часто достаточно было обработать лишь половину надела.

Многие жители губернии немолдавского происхождения именовали себя бессарабцами, к их числу принадлежал и Григорий Иванович Котовский. Начиная свою деятельность «благородного разбойника» он был чужд каких либо молдавских (румынских) национальных устремлений, будучи русским по происхождению. Состав его шайки был интернационален. Там были как молдаване, так и украинцы. Вот евреев тут не было. Здесь сказались как сильные антисемитские настроения среди румынского и славянского населения Бессарабии (хотя сам Котов-

ский решительно осуждал антисемитизм и погромы), так и то, что евреи в губернии жили преимущественно в городах, а примерно 8 тыс. евреев-колонистов жили вполне безбедно и на большую дорогу не выходили. В 1899 году евреи в Бессарабии владели 65 тыс. десятин земли и еще 95 тыс. десятин арендовали, тогда как обрабатывали только 7 тыс. десятин. Аренда евреями помещичьих и монастырских земель, как мы помним, была важным источником дохода для полиции. Вот позднее, когда Котовский стал активно действовать в Одессе, среди членов его шайки и пособников действительно оказалось немало евреев, в том числе и его будущий убийца. Да и трудно было работать без помощи евреев в городе, где они составляли треть населения, а среди уголовного элемента имели еще более высокую долю. И Котовскому удавалось поддерживать вполне мирные отношения между бессарабской и одесской частями своей банды. А активные контакты с евреями-уголовниками Котовский завязал еще в кишиневской тюрьме.

Бессарабия была почти исключительно сельскохозяйственной губернией. В начале XX зерновые занимали здесь почти 96 % посевной площади. 3 % урожая зерновых в Российской империи приходилось на Бессарабию, хотя эта губернии занимали лишь 0,21 % территории. Пшеницу здесь выращивали на экспорт через находящуюся под боком и быстро растущую Одессу, а для внутреннего потребления сеяли кукурузу. Из нее, в частности готовилось румынское национальное блюдо – мамалыга, которую Котовский очень любил. В Бессарабии было также развито бахчеводство, садоводство, табаководство и виноделие. После эпидемии филлоксеры, пожирающей виноградную лозу, в конце XIX века восстановление виноградников началось только в 1906 году с использованием прививного растительного материала. В 1900–1904 годах в среднем производилось только 7 млн. ведер вина (1 ведро – около 12,6 литра) в год, а под виноградники было занято 74 тыс. гектар. К 1912 году производство вина упало до 3,4 млн. ведер, что не помешало ей по сбору винограда и производству вина сохранить первое место среди губерний Российской империи. Кроме того, немало вина производилась в крестьянских хозяйствах для личного потребления. Интересно, что в том же 1912 году Бессарабия потребила свыше 1,5 млн. ведер 40-градусной водки, или 0,63 ведра на душу населения, общей стоимостью 13 млн. рублей, тогда как выручка за произведенное вино составила лишь около 8,3 млн. рублей. А связи с упадком виноградарства была широко распространена фальсификация вин путем добавления сахара, дрожжей, спирта и других фальсификатов. Развивалось животноводство, продукция которого поставлялась на общероссийский рынок. В 1905 году в Бессарабии имелось 377 тыс. лошадей, 583 тыс. голов крупного рогатого скота, 303 тыс. свиней и 1454 тыс. овец. А в устье Дуная и на черноморском побережье ловили рыбу. Промышленность в Бессарабии была развита почти исключительно пищевая. В конце XIX века в губернии было 526 заводов и фабрик, главным образом винокуренных, табачных и мукомольных, отправлявших продукцию в основном на экспорт. Всего они производили продукции на 6,2 млн. рублей, или в среднем по 12 тыс. на предприятие. Большинство предприятий были мелкими, с небольшим числом рабочих, которые почти все были из вчерашних крестьян. Помимо виноделия, развивались мукомольная и пивоваренная промышленность, несколько хуже обстояло дело в спирто-водочной, коньячной и рафинадной отраслях. Некогда развитое производство табака пришло в упадок, не выдержав конкуренции с крупными фабриками в других губерниях. Даже в 1907 году в Бессарабии было всего 115 крупных предприятий с 3,4 тыс. рабочих. Поэтому популярность социал-демократов, в том числе большевиков, в Молдавии была небольшая. Из революционных партий здесь господствовали эсеры, анархисты и близкие к последним эсеры-максималисты. На заре своей криминальной юности Котовский имел контакты с эсерами, которые были не прочь использовать его для экспроприаций (эксов) с целью пополнения партийной кассы. Но вскоре Григорий Иванович решил, что гораздо выгоднее во всех отношениях действовать самостоятельно. А после 1917 года он стал для большевиков желанным союзником, популярным среди бессарабского крестьянства, равно

как и среди городских обывателей, имеющий связи в криминальном мире и в то же время готовым подчиняться директивам из Москвы.

Наиболее остро классовые противоречия в Бессарабии проявлялись в аграрной сфере. Почти четверть крестьянских хозяйств не имели собственной земли и вынуждены были арендовать ее на кабальных условиях. Еще около 40 % крестьянских хозяйств владели не более 5 десятин земли, т. е. являлись малоземельными. В губернии насчитывалось 190 тыс. сельскохозяйственных рабочих, из которых 85 тыс. прибыли из других губерний. Крестьянская беднота сочувственно относилась к многочисленным разбойничьим шайкам, наводнившим губернию и грабивших помещичьи усадьбы и богатых путешественников. Эти шайки легко находили пополнение среди крестьян-бедняков и батраков.

Нельзя сказать, что межнациональные отношения в Бессарабии были безоблачны. Особенно остро стоял еврейский вопрос. В начале XX века среди значительной части православного населения господствовали погромные настроения, вылившиеся в печально знаменитый Кишиневский еврейский погром 6–7 апреля 1903 года. По данным еврейской общины, было убито 49 человек, ранено – 586 и разрушено более 1500 домов, свыше трети жилого фонда Кишинева. По официальным данным прокурорского отчета, не слишком отличавшимся от данных еврейской общины, было убито 42 человека, включая 38 евреев, из 456 раненых было 394 еврея, разрушено около 1350 домов. Полиция бездействовала, пришлось применить войска. Было арестовано 800 погромщиков, из которых 300 предали суду. Часть из них была приговорена к каторжным работам и тюремному заключению, но многие были оправданы. В 1903–1914 годах около четверти евреев выехали из Бессарабии. Благодаря этому доля румынского населения среди городского населения Бессарабии поднялось до одной трети. Молдаване заняли то место в торговле и ремесле, которое вынуждены были освободить евреи.

Князь Сергей Дмитриевич Урусов, назначенный губернатором Бессарабии в июне 1903 года, вспоминал свою встречу с губернатором Р. С. фон Раабеном, уволенным из-за апрельского погрома: ««Только что я начал знакомиться с губернией, как мне приходится уезжать из неё», сказал мне Раабен, после четырехлетнего пребывания в Бессарабии. Но даже после этих слов я остаюсь при том убеждении, что Раабен благополучно продолжал бы управлять Бессарабией до сего дня, получая награды и окруженный общей любовью, если бы не случилось апрельского события. Известного рода порядочность в служебных отношениях, отсутствие придирчивости и желания всюду совать свой нос, проявляя везде свою власть, доброжелательное отношение ко всем и незапачканные чужими деньгами руки – не малые качества для губернатора. Кроме того, Раабен, как нельзя более, подходил к общему характеру края, в котором среди богатой природы царствовала лень и беззаботность. Малоразвитое, необразованное, зажиточное и спокойное земледельческое население, легкомысленные, жизнерадостные, любящие пожить помещики; снисходительное к своим и чужим слабостям, склонное к внешнему блеску и тяготевшее к представителям власти общество; мало труда и характера, много добродушного хлебосольства и некоторая распущенность нравов – такова в общих чертах Бессарабия, и надо сознаться, что она составляла для своего губернатора вполне подходящую рамку». Надо сказать, что такая губерния была еще и идеальным полем охоты для разбойников, вроде Котовского, поскольку легкомысленные и любящие пожить бояре-помещики и не уступавшие им в желании пожить и беспечности купцы так и просились в руки гайдуков. А ведь Раабен был далеко не худшим из губернаторов, боевым генерал-лейтенантом и георгиевским кавалером. Да и взятки брал, по тамошним меркам, весьма умеренно, только то, что ему причиталось по сложившимся традициям.

Урусов потом оказался в либеральной оппозиции к самодержавию, был близок к кадетам, во Временном правительстве был товарищем министра внутренних дел, составил проект законопроекта о милиции, который был принят, но реально претворялся в жизнь уже большевиками. Впоследствии князя несколько раз арестовывала ЧК, но всякий раз он освобождался

благодаря хлопотам видных большевиков. Сергею Дмитриевичу повезло умереть в Москве в 1937 году своей смертью. Он даже успел получить персональную пенсию за «большие заслуги в разоблачении погромной политики царизма».

Между тем, следует сказать, что уровень преступность в Бессарабии в начале XX века, если не брать во внимание знаменитый погром, был довольно низким. Русский географ и зоолог, будущий академик АН СССР, в 1894 году окончивший с золотой медалью Вторую Кишиневскую гимназию и тогда же перешедший из иудаизма в лютеранство, чтобы продолжать образование в Московском университете, Лев Семенович (Симонович) Берг писал в 1918 году: «Преступность в Бессарабии сравнительно мала; в 1912 году на сто тысяч населения приходилось осужденных общими и мировыми судебными установлениями 73 человека. Для сравнения укажем, что для Эстляндии тот же коэффициент равен 307, а для Курской губ. 45. В соседней Херсонской губ. преступность значительно выше, именно 253, и даже в Подолии 145. Причина малой преступности в Бессарабии заключается в том, что большая часть населения занимается сельским хозяйством». Конечно, в городах преступность была гораздо выше. Благодаря этому, в частности, Одесса обеспечивала соседней Херсонской губернии перевес в три с половиной раза над Бессарабской губернии, а рекордный уровень преступности в Эстляндии был достигнут благодаря Ревелю (Таллинну), где к тому же базировался Балтийский флот, чьи матросы отличались отнюдь не кротким нравом. Но, в свою очередь, Котовский и другие разбойники-гайдуки обеспечивали Бессарабской губернии уровень преступности в 1,6 раза больше, чем в спокойной Курской губернии, тоже сельскохозяйственной, но лежащей в центре России, где последние разбойники перевелись еще во времена Емельяна Пугачева. А с течением времени, как мы убедимся, Котовский стал активно работать и в Херсонской губернии, особенно в Одессе.

Тот же Берг отмечает, что физически молдаване – очень здоровый народ. Сравнивая молдаван и украинцев (малороссов), он приходит к выводу, что у молдаван на 100 тыс. человек приходится 12 слепых, 8 глухонемых, 2 немых и 8 умалишенных, а у украинцев – 18 слепых, 12 глухонемых, 3 немых и 8 умалишенных.

Бессарабской полиции, главному противнику Котовского, Урусов дал следующую характеристику, которая на фоне порядков, царивших в других губерниях Российской империи, читается едва ли не как похвала: «Мне пришлось, на первых же порах, обратить серьезное внимание на местную полицию, городскую и уездную. Вскоре оказалось, что состав её, в отношении способностей и деловитости отдельных полицейских чинов, весьма удовлетворителен, что особенно стало заметно в городе Кишиневе после того, как руководство городской полицией принял на себя приглашенный мною, бывший когда-то полицмейстером в Риге, полковник Рейхарт, опытный и дельный исполнитель. Из пяти городских приставов – двое положительно выдавались, двое были вполне удовлетворительны, и только одного пришлось удалить за слишком бесцеремонное взяточничество (остальные, очевидно, брали точно по чину. – Б. С.).

Раз речь зашла о незаконных поборах, приходится на этом вопросе остановиться. Как-то раз я, при содействии одного из членов прокурорского надзора, знатока края, попробовал вычислить поддающуюся примерному учету часть поборов, производимых полицией по губернии. Вышло значительно более миллиона рублей в год (т. е., как минимум, шестая часть от общего объема промышленного производства губернии). Чтобы несколько реабилитировать бессарабскую полицию в глазах наивных людей, которым когда-нибудь придется читать эти строки, я упомяну, что петербургская полиция, по самому тщательному дознанию знатока дела, служившего в градоначальстве, получает до 6-ти миллионов рублей в год одних подписных денег, т. е. таких, которые даются не за нарушение закона или злоупотребления по службе, а просто за то, что существуют обыватели-домовладельцы, лавочники, трактирщики, фабриканты и т. п. Побо́ры за нарушение законов, в интересах дающих, здесь в расчет не приняты, в виду невозможности их учесть.

Итак, я скоро убедился, что взятка среди бессарабской полиции, за малыми исключениями, играет большую роль. В этом убедиться было не трудно, глядя на то, как становые пристава разъезжают четверками, в рессорных колясках, ездят в первом классе по железным дорогам, приобретают дома и участки земель и проигрывают в карты сотни, а иногда и тысячи рублей. Не трудно было узнать и об источнике их доходов. В развращении полиции оказались виновными все те же злополучные евреи—язва Бессарабии.

Евреи, по временным правилам 1882 г., не могут арендовать земли. Земли бессарабских помещиков в аренде у евреев — вот первый источник доходов полиции. Фиктивные договоры, по которым помещичьи земли сдаются подставным лицам, за которыми стоит действительный арендатор—еврей, подлежат уничтожению судом, иском порядком, причем истцом является губернская администрация. Доказать такой иск почти невозможно, приходится обыкновенно его проигрывать и, сверх того, платить судебные издержки из средств казны, которая их притом не отпускает, так что губернское начальство неохотно берется за такого рода дела и к возбуждению их полицию не поощряет. С другой стороны, незаконному арендатору все же приятнее уплатить 50 коп. с десятины, нежели возиться с властями и таскаться по судам. Отсюда, появление арендных книг, по которым производятся в два срока платежи или исправнику, который их распределяет, или, если исправник не берет взятку (таких было у меня три), то непосредственно приставам.

Вторая статья поборов—право временного пребывания евреев в сельских местностях. Жить в селах они не могут, но временно пребывать, по торговым и другим делам, — имеют право. Что значит—временно? Какие признаки указывают на окончание дела? Эти вопросы разрешаются в первой инстанции местной полицией, приводящей немедленно в исполнение свое решение. Потом можно жаловаться и доказывать свои права, доходя до правительствующего сената, но полицейский чин не отвечает за свои действия по выдворению евреев из села. Его действия закономерны, он так понимает закон, и, в действительности, вопрос, с точки зрения законности, всегда спорен, притом разрешение его зависит от дознания, производимая той же полицией. Опять является выгодным заплатить полиции и мирно окончить в селе свои дела.

Кроме того, надо упомянуть, что под видом временного пребывания значительное количество евреев живет в сельских местностях в сущности постоянно. Таких, незаконно проживающих евреев, в одном Хотинском уезде насчитывалось в мое время, по сведениям местного предводителя дворянства, около 8,000. Знатоки края и уезда подтверждали не раз, что цифра эта не преувеличена.

Бороться с такого рода обходом закона евреями губернское начальство не в силах. Сельские власти часто скрывают эти факты от полиции, низшая полиция — от уездной, уездная от губернатора. Хотя выселение евреев из сел производится полицией постоянно, и дел такого рода в производстве масса, но все же большинство незаконно проживающих евреев устраивается так, что их никто не трогает. Если бы я не боялся впасть в преувеличение, то сравнил бы действия властей по отношению к рассыпавшимся по селам евреям—с охотой, производимой в местности, очень богатой дичью, если бы число имеющих право охоты при этом было ограничено, а известные сорта дичи, по охотничьим правилам, были бы запретными.

Бессарабия длинной своей стороной прилегает к Австрии и Румынии. Жители пограничной полосы имеют право переходить границу без паспортов, по билетам станового пристава, для отыскания пропавшего скота и по торговым делам. Евреи оживленно торгуют, и благодаря этому обстоятельству, получается третья статья дохода для полиции. Выгоднее для еврея дать приставу 3 рубля, нежели выписывать 15-ти-рублевый паспорт из губернаторской канцелярии в том случае, если пристав не признает просителя торговцем.

Таковы, освященные традицией и поддерживаемые особым законодательством о евреях, главные статьи полицейских доходов. О второстепенных, мелких поборах я здесь не упоминаю.

Не говорю я и о тех взятках полицейских чиновников, которые взимаются не с евреев, а также о случаях злоупотреблений, признаваемых таковыми обычным правом.

В общих чертах, уже по вышеописанным примерам, можно судить о составе бессарабской полиции: несколько человек, не берущих ничего, множество лиц, ограничивающих поборы теми пределами, которые, по местным взглядам, считаются естественными и дозволенными, и, наконец, меньшинство таких взяточников, которые всегда и всеми признаются за порочных людей: на них жалуются, их преследует прокурорский надзор, и губернское начальство, от времени до времени, принуждено причислять их к губернскому правлению или сплавлять соседним губернаторам, получая иногда взамен изгнанников с такими же свойствами.

Я сознавал обязанность свою, как начальника всей губернской полиции, принимать меры для борьбы с теми злоупотреблениями, которые только что мною описаны; но скоро я должен был убедиться в том, что уничтожить незаконные поборы – задача для меня непосильная. Мне удалось избавиться от самых ярких взяточников – тех, которые, так сказать, срывали незаконные поборы на глазах у всех. Благодаря внимательному расследованию и широкому доступу ко мне просителей, случаи удовлетворения законных прав за деньги, случаи торговли законом, быть может, при мне несколько уменьшились. Но обычай вознаграждать полицию за снисходительное отношение к обходу закона остался и при мне во всей силе, и я не думаю, чтоб это зло могло быть искоренено, пока часть населения будет лишена тех естественных прав на существование, которыми все население пользуется...

Однажды я решил зайти в управление пристава одного из участков г. Кишинева, чтобы ознакомиться с его делопроизводством. Я прежде всего обратил внимание на помещение канцелярии, очень просторное и даже комфортабельное, установленное столами, за которыми, несмотря на поздний час, занималось 6 человек. Я спросил каждого из них о размере содержания, получаемого ими, и выяснил следующие цифры. Старший делопроизводитель получал 600 р. в год, двое других – по 480 руб. и три писца вместе стоили 660 руб. На канцелярские расходы выходило, по словам пристава, от 200 до 300 руб. ежегодно. Составлялась цифра в 2,300–2,400 руб., тогда как все содержание пристава, с расходом на канцелярию, не превышало двух с половиной тысяч в год. Мне оставалось только посмотреть книги и движение дел, тщательно обойдя вопрос о том, на какие средства живет сам пристав.

Другой случай касается уездной полиции. Место, пристав в Новоселицах, на границе Австрии, считалось первым в губернии, так как приносило занимавшему его лицу, по общим отзывам, до 15 тысяч рублей в год. Такая цифра всем колола глаза, и я счел необходимым назначить ревизию делопроизводства этого стана. При этом обнаружилось, между прочим, такое явление. Одному из новоселицких евреев было сдано приставом право торговли легитимационными билетами, на основании которых жители пограничной полосы переходили границу по своим торговым и другим делам. Желаящий взять такое удостоверение являлся к арендатору и получал от него талон, по которому в канцелярии пристава бесплатно и беспрекословно выдавался билет, а арендатор, взамен такой привилегии, содержал на свои средства всю канцелярию стана. Пристава я уволил и назначил на его место другого, но вскоре убедился в том, что незаконные поборы продолжаются в другой форме. Тогда я выписал из одной великорусской губернии человека вполне надежного и убедил его взять место новоселицкого пристава, обещав ему повышение, как только он поставит дело, как следует. Через месяц новый пристав заявил просьбу об увольнении его в отставку, так как, при всем желании, он не мог обходиться своим содержанием. Ему не только не хватало средств на прожитие, но он принужден был запускать дела, так как содержание канцелярии, сокращенной им на половину, поглощало все отпускаемый ему средства.

Я не сразу понял, чем именно объясняется огромное накопление дел во всех административно – полицейских учреждениях Бессарабии, и только опыт нескольких ревизий убедил меня в том, что, помимо обязанностей чисто полицейского характера и тех задач, которые

постепенно вошли в круг действий полиции, с развитием деятельности прочих учреждений, на положение дел в Бессарабии имеет влияние мелочное, особое законодательство, ставящее почти каждого еврея в положение постоянного просителя и жалобщика. Полиции, действительно, нет покоя от еврейских дел, и мне приходилось замечать, что ненависть полицейских чиновников к еврейскому населению питается отчасти теми хлопотами, нареканиями, жалобами, объяснениями, ошибками и ответственностью, которые постоянно приходится испытывать чинам полиции, как последствие совершенно бессмысленного и не достигающего цели законодательства о евреях».

И в губернаторство либерального Урусова, и при его приемниках взяточность бессарабской полиции нисколько не уменьшилась, чем успешно пользовался Котовский и его соратники. При таких полицейских не так уж трудно было совершать побеги из самых охраняемых полицейских участков и тюрем. Разве что после ухода Урусова численность еврейского населения Бессарабской губернии вследствие реакции на Кишиневский погром, сократилась почти на четверть. Потеряв значительную часть верных доходов, полицейские должны были больше внимания уделять нееврейскому населению губернии, в том числе уголовникам, которым теперь стало даже легче за взятку откупиться от наказания.

Какова была жизнь в Бессарабской губернии в детстве и юности Котовского, когда он делал еще первые робкие шаги на криминальном поприще? Л. С. Берг, сам родившийся в Бендерах, так характеризовал быт молдаван Бессарабии: «Молдаване – это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию и соседние с Бессарабией части губерний Подольской и Херсонской; в небольшом числе живут они также в Екатеринославской губ. Сами себя они называют молдаван (во множественном числе – молдовень), а Румынию – Молдова. Отъ румын Валахии, или валахов, отличаются незначительными диалектологическими признаками... Следует заметить, что в Румынии молдаване теперь пишут латинскими буквами, в Бессарабии же – русскими...

Молдаване среднего роста и недурно сложены. Волосы и глаза обычно черные. Череп брахицефалический, нос узкий. Иногда попадаются профили, напоминающие римские. Мужчины носят длинные волосы, но бороду все бреют.

Все православные и чрезвычайно религиозны. Испытания, перенесенные этим народом в течение его многовековой истории, наложили печать на его характер. Молдаване – миролюбивый, покорный и меланхолический народ. В них незаметно живости, разговорчивости и веселости латинской расы. Они медлительны, склонны к созерцанию и бездеятельности. Благоприятный климат не располагает к проявлению большой энергии: засеянная кукурузой фальча (=3125 квадр. саж.) земли (примерно 1,3 десятины. – Б. С.) может прокормить молдаванскую семью круглый год. Молдаване весьма покорны властям и почтительны к старшим. В отношениях друг к другу обнаруживают вежливость. Жена (фимей) находится в подчинении у мужа (бърбагул, собственно – бородатый); садясь за обед, она целует у мужа руку. Очень часто даже среди равных по положению младшие целуют руку старшим. В церкви женщины стоят позади мужчин. Воровство среди молдаван не распространено. В избах (каса) у них чисто и опрятно. Мужчины весьма привержены к водке (ракиу), но все же, как народ, занимающийся виноделием, – меньше, чем хотинские малорусы. В состоянии опьянения молдаване бранятся самым непристойным в мире образом, не щадя наиболее священных предметов.

Мужчины на голове носят баранью смушковую шапку (кушмы), летом же в рабочее время соломенную шляпу с широкими полями (плььрии). Летом платье состоит из рубахи (къмеши) и штанов, сшитых из грубого домотканного холста. Мужчины ходят обычно с открытой грудью. Поверх надевают иногда род армяка – манту (мънта) или короткий кафтан (зъбон, къфтан). Зимняя мужская одежда состоит из куртки (минтян), овчинного кожуха (кожок), овчинных штанов (мешинь) и смушковой шапки. На ногах лапти (окинчь) из камыша. Праздничная мужская одежда состоит из кафтана (антереу), подпоясанного разноцветным шерстяным куша-

ком (брыу) или широким кожаным поясом (кимерь) с кисетом. Девушки (фатъ) ходят с открытыми головами, замужние же носят платок (тестемел, тулпан). Женская одежда состоит из платья (рокитии) и кацавейки (кацавейкы).

Живут в хатах (каса) из так называемого чамура, т. е. кирпича, изготовленного из глины с кизяком (навозом) и соломой; крыша крыта соломой или камышом. Снаружи и внутри хата белится. Пол глиняный. Вокруг дома, как и в малорусских хатах, заваленка (призбы). В избе опрятно, насекомых обычно нет. Под образами (иконы) ставят широкий и длинный мягкий диван (диван), покрытый коврами (лгычерь) собственного изделия, весьма прочными и оригинального рисунка. Близ конца дивана стоит сундук, на котором положены ковры и подушки; это приданое (дзестре) дочерей. Ковры вешают и по стенам: такой ковер называется разбой. Тканьем ковров занимаются женщины. Материалом служит шерсть от местных пород овец, пушек и цыгайской. Молдаванские ковры все гладкие. Преобладающие цвета черный, желтый и малиновый, иногда зеленый. Для красных тонов употребляют кошениль, для розовых – цветы мальвы.

Кроме ковров, молдаванки ткут другие ткани из овечьей шерсти, пеньки, льна. В каждом доме ткут холст, рядно, сукно, скатерти, полотенца, пояса, мешки, вяжут чулки, рукавицы. В монастырях молдаванки изготавливают прекрасные сукна коричневого, черного и серого цвета, а также более легкие женские материи, иногда с примесью шелка. Ширина материи только 3/4 арш. Все эти изделия охотно раскупаются горожанами.

У зажиточных царан во дворе имеются разные хозяйственные постройки: погреб для хранения вина (пивницы или кигницы), овчарня (стын), хлев (пояты, пентру вашь), конюшня (граждь), сплетенная из хвороста и обмазанная глиной, амбар (анбарь), гумно (фыцаря, ария), большие корзины из хвороста для хранения кукурузы (сысыяк), курятник (коштерьяца гъинилор) и прочее.

Двор (ограды) окружается плетнем (гард), а в безлесных местах нередко грубо сложенными камнями (зыдь де пятры)...

Национальное блюдо молдаван – это мамалыга (мъмълигы), своеобразный вареный хлеб из кукурузной муки. Готовят его так. В чугунном котелке кипятят воду, прибавляя соли и, всыпав кукурузной муки, кипятят некоторое время. Затем, сняв с огня, промешивают деревянной палочкой и опять ставят на огонь. Когда получившаяся масса сделается совершенно плотной, ее вытряхивают из котла, – и мамалыга готова. Разрезают ее ниткой. Мамалыга вообще заменяет хлеб. Молдаване охотно едят ее с брынзой (овечий сыр). Кроме брынзы, из кукурузной муки готовят лепешки, называемые «малай»; они скоро черствеют. Нередко малай готовят с тыквой («малай ку бостан»); в таком виде он вкуснее. У зажиточных малай готовят на кислом молоке с творогом и брынзой («алевенчи»). Приготавливают также малай с примесью пшеничной или ржаной муки; такие лепешки могут лежать дольше.

Повседневную пищу составляет борщ (борш) с говядиной (карни де ваки) и мамалыга с брынзой (брынды), а в постные дни вареная капуста и мамалыга с постным маслом или с огуречным рассолом. По праздникам борщ с курицей или цыпленком, голубцы (сърмали), пироги на масле (плъчинте), печенье на масле с фруктами (сливами, яблоками, изюмом), своеобразно свернутые, откуда и их название «виртуты», жаркое из птицы или поросенка (фриптуры), компот (кисълицы), печенье вроде «хвороста» (пръжитурь). Напитком служит брага (брагы), виноградное вино (вин, джин). Летом важным подспорьем в пище являются овощи и фрукты: помидоры (патлажеле роший), баклажаны (патлажели винети), огурцы (пепинь), дыни (дземош), арбузы (гарбуж), кабачки (бостъней), тыква (бостань), перец (киперь), затем яблоки (мери), груши (пръсади), сливы (пержи), зарзары (зарзарь, мелкий сорт абрикос), виноград (поамы).

Национальный танец молдаван – это хора (хоарь), нечто вроде хоровода, обычно называемый просто жок (от латинского jocus), т. е. игра. Его танцуют мужчины и женщины вместе, становясь в круг и взявшись за руки. Танец в общем малограциозный. Кроме того, распро-

странен танец арнауцешти, который танцуют одни парни. Молодежь зимою, как и у русских, устраивает посиделки. Заунывная мелодия пастушьей песни носит название дойна.

Парни (флъкъу) сами выбирают себе невест (миряса). Еще до недавнего времени местами сохранился обычай умыкания невест.

Обручение происходит так: у родителей невесты во время обручального пиршества накрывают стол, на который ставят две тарелки: на одну родители невесты кладут платок (нъфрамъ) и кольцо (инел), на другую жених (мире) кладет деньги. Невеста, если жених ей нравится, берет деньги; тогда жених берет кольцо и платок, и обручение считается состоявшимся. Во время обручального пиршества на дворе стреляют из ружей. Накануне дня свадьбы жених верхом, в сопровождении друзей, отправляется в дом невесты; позади на повозках с музыкой едут его родственники (рудь). Дружки невесты встречают свадебный поезд и надевают жениху на голову большой калач, который тут же раздробляется его товарищами. Гости и родные останавливаются в посторонних домах, а жених в сопровождении двух дружек отправляется верхом к невесте. Здесь на головы всех трех лошадей набрасывают полотенце. Дружки поют песни. Невеста, окунув пучок базилика (босыёк) в воду, кропит им жениха, а дружкам дает по платку. Отблагодарив невесту деньгами, жених уходит. Через час к нему приходят посланцы невесты (ворничел) и приглашают к ней в дом. Здесь во дворе жених танцует жок, пока его не пригласят к столу. Невеста же продолжает танцевать, не участвуя в обеде. После обеда жених отправляется к себе на квартиру и отсюда посылает подарки невесте и ее родителям. Невеста, в свою очередь, отдаривает жениха. Затем жених, окруженный всеми приехавшими, при звуках музыки, отправляется за невестой. Здесь посреди комнаты ставят два стула для родителей невесты; жених и невеста на постланном ковре становятся перед родителями на колени; гости встают, а один из дружек поет «прощение» (ертъчуне). При этом родители невесты и она сама плачут. По окончании песни родители благославляют жениха и невесту. Теперь посаженная мать (нунь, нънаши) везет невесту в дом жениха на поклон родителям его. Замечательно, что родители невесты не только не участвуют в венчании, но даже и не провожают дочери. В доме родителей жениха собираются знакомые, одаряют будущих супругов; во дворе идет жок, в котором деятельное участие принимает невеста. На другой день, в воскресенье, происходит венчание (кунуние). Когда соберутся гости, жениха и невесту ведут в церковь; впереди идет посаженный отец (нун, нънаш) с женихом и его друзьями, за ними посаженная мать с невестой и ее подругами, позади музыканты. По окончании венчания, приглашенные осыпают молодых (тинерий) семенами и орехами. Из церкви возвращаются в дом отца новобрачного, где устраивается пир. На другой день в дом молодых собираются одне замужние женщины (мъритаты).

Погребальные обряды довольно оригинальны, в частности же показывают много общего с похоронными обрядами малорусов. Тот, кто оmyвает тело умершего (не родственник, а посторонний), берет обручальное кольцо и мыло, служившее для омовения, себе. Лицо покойника покрывают домотканым полотном, а мужчине под голову или возле головы кладут шапку. При выносе тела, как и у малорусов, у ворот постилают кусок нового полотна аршина в 2–3 или ковер, через который должна пройти вся погребальная процессия. Этот ковер или полотно дарится кому-нибудь из бедняков. Опустив тело в могилу, передают через могилу бедному живую курицу, «с желанием душе умершего легкого к небу воспарения», как выражается священник Енакиевич, описавший погребальный обряд молдаван. На поминках по умершим, каждому обедающему дается калач со свечей и 2–3 ветками, украшенными сливами, яблоками, орехами, виноградом и т. п.; священнику же, кроме того, дается еще утиральник и наполненный вином деревянный сосуд с ветками, украшенными ягодами. Если нужно везти тело на кладбище, то непременно на двух парах волов, а не на лошадях; к рогам волов привязывают белые платки с вышитыми разноцветными узорами по углам. Есть указания, что везти умершего на кладбище нужно даже летом на саях; это – древний славянский обычай, сохранившийся еще у малорусов в Галиции. В сороковой день умерших поминают

обедом. Заказывают новый стол, и весь столовый прибор покупают новый; готовят новый костюм и обувь. К обеду новый стол с яствами ставится поодаль. Приглашают молдаванина (а если покойник женщина, то молдаванку), которому предполагается подарить новый стол. Он облачается в новое платье. Священник служит панихиду, затем все присутствующие обедают, но к новому столу никто не садится. После обеда стол с яствами дарится тому, кто оделся в новое платье. При этом даритель трижды приподнимает угол стола и говорит: на этом свете тебе, а на том свете такому-то (называет имя покойника). Присутствующие берут стол и переносят его в дом получателя, где после краткого молебна и панихиды все участники переноса садятся за стол и угощаются тем, что на нем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.